

УДК 343.7

Колосова Алина Ильинична

магистрант
Иркутский национальный исследовательский
технический университет
Россия, Иркутск
tiverka07@mail.ru

Alina I. Kolosova

Post-graduate student
Irkutsk National Research Technical University
Russia, Irkutsk

ОТГРАНИЧЕНИЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ОТ СМЕЖНЫХ И КОНКУРИРУЮЩИХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DISTRIBUTION OF BANKRUPTCY WRONG ACTIONS FROM RELATED AND COMPETING CRIMES

Аннотация

В статье проводится разграничение неправомерных действий при банкротстве со смежными и конкурирующими составами преступлений, выделяются основные критерии их разграничения. Анализируются возможные неправомерные действия должника, с учетом позиций ведущих экспертов относительно определения условий для возбуждения дела о признании должника несостоятельным. Определяются существующие законодательные пробелы и коллизии, обосновывается необходимость технико-юридического совершенствования действующих правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере банкротства. Сформулированы возможные проблемы при квалификации неправомерных действий при банкротстве, и предложены пути их решения, что позволит снизить количество ошибок в правоприменительной практике.

Ключевые слова:

криминальное банкротство, экономическая
безопасность, имущество

Abstract

The article distinguishes misconduct in bankruptcy from related and competing elements of crimes, highlights the main criteria for their differentiation. Possible illegal actions of the debtor are analyzed, taking into account the positions of leading experts regarding the determination of the conditions for initiating proceedings to declare the debtor insolvent. The existing legislative gaps and conflicts are determined, the need for technical and legal improvement of the existing legal norms regulating public relations in the field of bankruptcy is substantiated. Possible problems are formulated in the qualification of illegal actions in bankruptcy, and ways to solve them are proposed, which will reduce the number of errors in law enforcement practice.

Keywords:

criminal bankruptcy, economic security, property

С точки зрения обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных реалиях весьма актуальной представляется необходимость правильной квалификации преступлений в сфере экономики, в том числе неправомерных действий при банкротстве.

Возникновение трудностей и ошибок в квалификации смежных и конкурирующих составов преступления связано с несовершенством технико-юридического конструирования правовых норм, что приводит к коллизиям и мешает объективно оценить совершенные уголовно-противоправные деяния.

Считаем необходимым рассмотреть вопросы отграничения неправомерных действий при банкротстве от составов преступлений, которые вызывают наибольшие затруднения при квалификации.

1. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Анализ диспозиции ст. 195 УК РФ позволяет выделить обязательный признак объективной стороны рассматриваемого состава преступления - причинение крупного ущерба при сокрытии имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, а также сокрытии, уничтожении, фальсификации бухгалтерских и иных учетных документов.

Изучение перечисленных способов совершения преступления позволяет сделать вывод, что все они совершаются путем обмана. При этом, как нам известно, термин «обман» используется и при конструировании статей, регламентирующих уголовную ответственность за мошенничество, что вызывает необходимость в их разграничении.

1. Отсутствие признака хищения

Вопрос об отнесении неправомерных действий при банкротстве к формам хищения до сих пор является дискуссионным.

Например, Горелик А.С. и другие исследователи считают подобные действия одной из форм хищения, отмечая, что преступное банкротство представляет собой своеобразный вид мошенничества. Шишко И.В. отмечает, что мошенничество служит способом преднамеренного банкротства, поэтому они соотносятся между собой как часть и целое [2, с. 136].

Сторонники иного подхода отмечают, что, несмотря на значительное сходство, неправомерные действия при банкротстве имеют и существенные отличия от мошенничества - банкрот, не распоряжается чужим имуществом [3, с. 122].

2. Иной предмет

Отсутствие признака хищения в неправомерных действиях при банкротстве определяет специфику предмета рассматриваемого преступления. Так, в отличие от мошенничества, предметом выступает не чужое имущество, а собственное имущество должника либо имуществом организации.

Кроме того, предмет преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ значительно шире понятия имущества, предполагаемого при квалификации совершенного преступного деяния как мошенничества. Помимо имущества или право на имущество, в предмет неправомерных действий при банкротстве сходят также сведения об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, а также бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность и т.п.

3. Наличие специального субъекта

Неправомерные действия при банкротстве в ряде отдельных случаев предусматривают наличие специального субъекта посягательства - руководитель юридического лица или его учредитель (участник), арбитражный управляющий или председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор), и т.д. В мошенничестве субъект общий.

4. Направленность умысла

Как отмечает Орлова Л.А., мошеннические действия направлены на завладение чужим имуществом, в то время как неправомерные действия при банкротстве направлены на отчуждение имущества должника (уничтожение, передача имущества, отчуждение и так далее) в целях создания видимости неплатежеспособности, чтобы не допустить получение кредиторами денежных средств, образовавшихся от реализации конкурсной массы должника [5, с. 183].

5. Объект посягательства

Ущерб от мошенничества непосредственно причиняется собственнику или другому владельцу имущества, а преступления, связанные с банкротством, предполагают причинение ущерба кредиторам, не имеющим права собственности на имущество должника, они обладают лишь правом требования возврата долга, удовлетворение которого зависит от реализации конкурсной массы должника [1, с. 58].

Некоторые авторы предлагают в качестве дополнительного отличительного признака выделять отсутствие корыстной цели в преступлениях, связанных с банкротством (ст. 195-197 УК РФ), которая, в свою очередь, является обязательным признаком мошенничества как формы хищения. Однако, на наш взгляд, с данным подходом трудно согласиться. Несмотря на то, что, как мы уже выяснили ранее, неправомерные действия при банкротстве не являются разновидностью хищений, нельзя не отметить корыстную составляющую данных действий. Еще в конце 19 века

Фойницкий И.Я. отмечал: «Корыстное банкротство предполагает определенную цель деятельности – извлечь имущественную выгоду путем сокрытия своего имущества, избежать платежа долгов этим путем, что в самом себе заключает имущественный вред для кредиторов» [19, с. 171].

Предполагаем, что сущность рассматриваемого преступления мало изменилась даже за столь длинный промежуток времени, и направленность на извлечение выгоды при сокрытии, отчуждении или уничтожении имущества, а также совершении иных действий, предусмотренных диспозицией ст. 195 УК РФ, по-прежнему сохранилась и несет в себе определенный корыстный характер.

2. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) и сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199.2 УК РФ).

Как отмечает Ляскало А.Н., неправомерные действия при банкротстве могут быть совершены способами, которые при наличии всех прочих признаков могут образовать самостоятельные составы преступлений [4, с. 50]:

- «сокрытие имущества» (ст. 199.2 УК РФ);
- «отчуждение имущества» (ст. 160 УК РФ).

Соответственно, объекты данных составов преступления необходимо признать в качестве дополнительных непосредственных объектов неправомерных действий при банкротстве, вред которым причиняется посредством способов его совершения.

Вопрос правильной квалификации подобных многообъектных преступлений был рассмотрен, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», содержащий положение согласно которому применение насилия при изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера, в результате которых такими деяниями потерпевшему лицу причиняется легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ (п. 15) [10].

Как можно заметить, в данном случае деяния квалифицируются по правилам идеальной совокупности, так как отсутствует конкуренция части и целого. Соответственно, можно сделать вывод, что, если санкция за деяние-способ его совершения соответствует санкции последнего или превышает ее, то конкуренции

части и целого не возникает, а содеянное надлежит квалифицировать по правилам совокупности преступлений – то есть деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК РФ, поглощает деяния-способы, предусмотренные ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 167, ч. 1 ст. 325, ч. 1, 3 ст. 327 УК РФ.

3. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ).

Анализ объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, показывает, что перечисленные в диспозиции статьи действия могут пересекаться с уголовно-наказуемым деянием, ответственность за которое регламентирована ст. 167 УК РФ – умышленное уничтожение или повреждение имущества.

Легко можно представить ситуацию: директор ООО, имеющего признаки банкротства, решает уничтожить имущество организации, чтобы скрыть факт фальсификации бухгалтерской отчетности и иных документов. Конечно, подобное деяние не требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ и полностью охватывается объективной стороной неправомерных действий при банкротстве.

Тимербулатов А., однако, отмечает, что в зависимости от конкретной ситуации может потребоваться дополнительная квалификация по ч. 2 ст. 167 УК РФ, например, в случае совершения преступления общеопасным способом: уничтожение имущества путем поджога, взрыва и т.д.) [7, с. 12].

4. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от злого уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ).

Анализ диспозиции ст. 177 УК РФ позволяет выделить 3 обязательных условия для наличия состава преступления:

- 1) крупный размер кредиторской задолженности;
- 2) вступление в законную силу судебного акта, согласно которому руководитель организации или гражданин обязан погасить соответствующую задолженность;
- 3) достоверно подтвержденные факты уклонения должника от уплаты задолженности.

Финогенов А.В. в качестве примеров юридических фактов, свидетельствующих о злом уклонении должника от погашения кредиторской задолженности, приводит изменение фамилии, перемену места жительства, вывоз имущества за рубеж или отчуждение его в пользу третьих лиц [8, с. 87]. В качестве критерия разграничения

рассматриваемых составов преступления в данном случае будет выступать наличие вступившего в силу законного решения суда. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности предполагает неудовлетворение требований кредиторов, права которых подтверждены актом судебного органа. И наоборот, как мы уже выяснили ранее, для признания и удовлетворения кредиторской задолженности несостоятельность должника не нуждается в подтверждении решением суда, а порядок, регламентированный Законом «О несостоятельности (банкротстве)», и вовсе запрещает совершать действия, направленные на удовлетворение требований отдельных кредиторов.

5. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от уклонения от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ).

В ряде случаев неправомерные действия при банкротстве представляют собой идеальную совокупность с уклонением от уплаты налогов.

Так, например, приговором Ленинского районного суда г. Саранска С. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ. и п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ.

Приговором Ленинского районного суда г. Саранска С. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. "б" ч.2 ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч.1 и 2 ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Преступление, предусмотренное пунктом "б" части второй статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, состояло в том, что С. совершил уклонение от уплаты налогов с ООО "Химэкс" путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, в особо крупном размере.

В результате его действий была уменьшена налогооблагаемая база ООО "Химэкс" и данное общества не исчислило и не уплатило налог на прибыль с организаций в сумме 16 094 949 руб. 14 коп.

Преступление, предусмотренное частью первой статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, состояло в том, что С., являясь директором ООО "Химэкс", при наличии признаков банкротства, возглавляемого им общества совершил отчуждение имущества этого общества, причинив крупный ущерб кредиторам.

В результате его действий произошло уменьшение активов ООО "Химэкс", за счет которых кредиторы могли удовлетворить свои требования, на сумму 10 260 000 рублей.

Преступление, предусмотренное частью второй статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, состояло в том, что С., являясь директором ООО "Химэкс", при наличии признаков банкротства, возглавляемого им общества неправомерно удовлетворил имущественные требования отдельного кредитора за счет имущества должника ООО "Химэкс" заведомо в ущерб другим кредиторам, причинив им крупный ущерб.

В результате его действий произошло уменьшение активов ООО "Химэкс", за счет которых кредиторы могли удовлетворить свои требования, на сумму 46 000 000 рублей [11].

В правоприменительной практике, однако, можно встретить случаи конкуренции указанных правовых норм, что вызывает проблемы с их верной квалификацией. Для разрешения подобных вопросов необходимо обратиться к теории об общих и специальных правовых нормах.

Пустяков А.В. считает, что в данном случае в качестве специальной нормы будет выступать ст. 195 УК РФ, аргументируя тем, что с точки зрения юридической конструкции ст. 199 УК РФ сформулирована как бланкетная норма, отсылающая правоприменителя к налоговому законодательству. Согласно его положениям, в счет уплаты налога взыскание обращается на имущество предприятия, а если размер задолженности меньше стоимости активов предприятия, то недоимка погашается за счет такого имущества. Соответственно, если, в случае банкротства должника, сокрытие имущества проводилось с целью уклонения от уплаты налогов, то действия лица, в зависимости от обстоятельств, надлежит квалифицировать по ст. 195 или ст. 196 УК РФ [6, с. 114].

6. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от уклонения от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ).

Наиболее часто встречающимся примером конкуренции общей и специальной нормы можно назвать конкуренцию ст. 201 и ст. 195 УК РФ.

Стоит отметить, что судебная практика по разрешению подобных деяний неоднородна. Так, например, согласно материалам уголовного дела, *Хмелин С.Н. являясь генеральным директором ОАО «.....», умышленно реализовав*

принадлежащее обществу имущество по заведомо низкой стоимости и на заведомо невыгодных для общества условиях, использовал свои полномочия вопреки интересам общества, в целях извлечения выгод для себя, т.е. совершил злоупотребление служебными полномочиями, которое повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам ОАО «.....», кредиторам, и лишило ОАО «.....» основных средств, без которых оно не могло осуществлять свою хозяйственную деятельность, определенную Уставом.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предприятие ОАО «.....» обладало признаками банкротства, поскольку с этого времени не имело возможности удовлетворить требования своих кредиторов.

Зная об этом, Хмелин С.Н., умышленно, действуя вопреки законным интересам ОАО «.....» и в целях извлечения выгод для себя, нанесения вреда правам и законным интересам ОАО «.....», кредиторам, злоупотребляя должностными полномочиями, умышленно реализовал принадлежащее обществу имущество по заведомо низкой стоимости и на заведомо невыгодных для общества условиях, лишив ОАО «.....» имущества, возможности осуществлять производственно-хозяйственную деятельность при следующих обстоятельствах.

Хмелин С.Н. заключил четыре взаимосвязанных сделки с одними и теми же условиями, без определения рыночной стоимости, в пользу ООО «Торговая компания» по отчуждению 4 объектов, расположенных на территории ОАО «.....». При этом стоимость отчуждаемого имущества не соответствовала его рыночной стоимости.

Как отметил суд, противоправность действий Хмелина С.Н. по отчуждению сооружений и технологического оборудования ОАО «.....» посягает на два объекта.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления службы лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой организации. Хмелин С.Н., совершив сделки по отчуждению имущества, злоупотребил служебными полномочиями вопреки законным интересам ОАО «.....».

В то же время, указанные сделки совершены в условиях наличия признаков банкротства ОАО «.....», о чем Хмелину С.Н. с достоверностью было известно, что повлекло за собой уменьшение конкурсной массы.

При такой ситуации действия Хмелина С.Н. по отчуждению имущества ОАО «.....» требуют самостоятельной квалификации как по ч. 1 ст. 201 УК РФ, так и по ч. 1 ст. 195 УК РФ [12].

С точки зрения теории квалификации преступлений по правилам конкуренции общей и специальной норм, на наш взгляд, более правильным подходом к квалификации будет являться следующее решение суда:

Минасян С.Н., являясь учредителем и директором совершил неправомерные действия при банкротстве, то есть передачу имущества во владение иным лицам, отчуждение имущества, и эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб.

С целью сокрытия имущества – автомобилей и транспортных средств и для дальнейшего их использования в своих намерениях, по заранее надуманному плану, директор Минасян С.Н., злоупотребляя своим служебным положением, предпринимает некоторые действия направленные на вывод техники из организации и продажи её в другую, вновь созданную организацию, в которой впоследствии он же стал занимать должность заместителя директора.

Все 8 единиц автомобилей были проданы Г. за символическую сумму, хотя реальная, рыночная, в том числе и залоговая сумма имущества, указанная ранее в определениях суда, в разы превышает стоимость проданной техники. В кассу денежные средства в размере от проданной техники не поступили.

Гос. обвинитель полагал, что действия Минасяна С.Н. необходимо квалифицировать по ч.1 ст.195 УК РФ и по ч.1 ст.201 УК РФ, однако суд отметил, что согласно ч.3 ст.17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Оценивая деяния Минасяна, суд считает, что ч.1 ст.201 УК РФ является общей нормой, а ч.1 ст.195 УК РФ – специальной нормой. Следовательно, действия Минасяна С.Н. излишне были квалифицированы по ч.1 ст.201 УК РФ.

С учетом вышеизложенного суд квалифицирует действия Минасяна С.Н. по ч.1 ст.195 УК РФ - как неправомерные действия при банкротстве, то есть передача имущества во владение иным лицам, отчуждение имущества, и эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб [13].

Отграничение неправомерных действий при банкротстве, ответственность за которые регламентируется уголовном законодательством, от схожих административных правонарушений проводится по ряду существенных отличительных признаков:

1. Субъект правонарушения

По сравнению со ст. 195 УК РФ, субъектный состав правонарушения, предусмотренного ст. 14.13 КоАП РФ существенно расширен – помимо перечисленных в уголовном законе субъектов, в круг субъектов также входят:

- кредитор, принявший удовлетворение имущественных требований, осведомленный в том, что ему отдано предпочтение в ущерб остальным кредиторам.
- арбитражный управляющий, реестродержатель, организатор торгов, оператор электронной площадки либо руководитель временной администрации кредитной или иной финансовой организации.

2. Размер ущерба

Диспозиция статьи, регламентирующей административную ответственность за неправомерные действия при банкротстве, в отличие от аналогичного деяния, предусмотренного уголовным законодательством, не содержит признака «крупного ущерба».

В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ в статьях 195-197 УК РФ крупным ущербом признается стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупным - девять миллионов рублей.

Таким образом, в качестве основных критериев разграничения преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ со смежными и конкурирующими составами преступлений, можно назвать отличия в объекте, объективной стороне и объеме рассматриваемой правовой нормы. Кроме того, наличие в действующем уголовном законодательстве специальных норм, регламентирующих порядок привлечения к ответственности за правонарушения, непосредственно связанные с неправомерными действиями при банкротстве, позволяет избежать возникновения законодательных пробелов и конкретизировать составляющие элементы объективной стороны рассматриваемого правонарушения.

Вопросы дальнейшего развития концепции уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства, на наш взгляд, должны

основываться на текущей экономической ситуации. Основным направлением государственной деятельности должно стать технико-юридическое совершенствование действующих правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере банкротства, ликвидация существующих законодательных пробелов, коллизий и приведение в соответствие специального, административного и уголовного законодательства.

Список использованных источников

1. Багреева Е. Г., Петухов С. В. (2020) К вопросу об уголовной и субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Российский следователь. № 6. Р. 58-62.
2. Горелик А.С. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 136.
3. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Уолтерс Клувер, 2012. С 122.
4. Ляскало А.Н. Конкуренция уголовно-правовых норм и совокупность преступлений при квалификации криминальных банкротств (ст. 195, 196 УК РФ) // Уголовное право. 2013. № 1. С. 49-53.
5. Орлова Л.А. Разграничение преступлений, связанных с банкротством, со смежными правовыми деликтами // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 182-190.
6. Пустяков А.В. Уголовное банкротство: некоторые аспекты субъективной стороны и субъекта в преступлениях, предусмотренных статьями 195, 196, 197 УК РФ // Закон. 2006. № 9. С. 111-115.
7. Тимербулатов, А. Неправомерные действия при банкротстве // Законность. 2001. № 6. С. 10-15.
8. Финогенов А.В. Проблемы квалификации преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве // Вестник ЧелГУ. 2011. №4. С. 87-89.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства на личность и имущество. Спб., 1893. С. 171.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7932/ (Утратил силу)

11. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 03.04.2018 по делу № 33-701/2018 Об отказе в удовлетворении заявления о пересмотре по новым обстоятельствам апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам по иску о возмещении вреда, причиненного преступлением [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=373770#cVPQyFTmJ4iEdhwp> (Дата обращения 21.08.2022)

12. Приговор Котласского городского суда Архангельской области № 1-146/2011 от 26 августа 2011 г. по делу № 1-146/2011. [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bmpN0GXuLoWL/> (Дата обращения 22.08.2022).

13. Приговор Мучкапского районного суда Тамбовской области № 1-25/2011 от 3 ноября 2011 г. по уголовному делу № 1-25/2011. [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IcIAteZpOiYC/> (Дата обращения 22.08.2022).